

С кем бы ты пошел в разведку?

Девятнадцатилетним парнем Павел Федорцов пошел служить в Афганистан. Воевал в спецназе Главного разведывательного управления. Тридцать лет спустя гомельчанин вспоминает, как удалось выжить и что спасало в тяжелые дни.

РЕБЯТ ПРИНОСИЛИ ПО ЧАСТЯМ

– Павел Егорович, у вас была впереди вся жизнь, а тут перспектива провести значительную ее часть в горячей точке. Будь выбор, пошли бы воевать или нет?

– Я мог отказаться. Еще в военкомате из части в Печорах, что под Псковом, к нам приехал офицер и спросил, готовы ли мы в случае чего пойти в Афганистан. Согласился не раздумывая. В двенадцать лет остался без матери, рос почти один, и мне даже интересно стало, захотелось себя испытать.

В 1984 году через пять месяцев учебки мы прибыли в Марьину Горку. Там на базе 5-й отдельной бригады специального назначения ГРУ формировался 334-й отряд. Еще месяц мы обучали новобранцев. И всем батальоном в 500 человек, призванных со всего Союза, отправились на войну.

– Всем нам, а особенно белорусам, на генетическом уровне понятен смысл слова “война”. Естественно, в той мере, в какой об этом можно говорить, не ощутив ее на своей шкуре. И все же вы осознавали, что направляетесь практически в ад?

– Когда пересекли границу, еще не включились, еще ели союзные пирожки. И даже обстрел нас не особо испугал. А через месяц, находясь в Асадабаде, оказались на первой войне — так в спецназе назывался боевой выход. В Мараварском ущелье было ужасное кровавое месиво, наши ребята,

правда, из другой роты, еще не обученные, попали в засаду. Наемники положили два взвода — 29 человек. Видели, как пацанов выносили: лица выжжены паяльными лампами, грудины вырублены, тела частями. Тогда поняли, что это не детский лепет, что мы на войне.

– Перед вами ставили непростые задачи: ходить в разведку, выбивать моджахедов из кишлаков, устраивать засады на караванных путях. Как набирались опыта?

– Сначала освоили горную подготовку в Чирчике. В первое время шли на банды из пятнадцати человек, потом, когда подучились, на более многочисленные. Данные приходили из агентурной разведки. Получив карту, ночью выдвигались в кишлак. Приходили перед рассветом, окружали, занимали оборону, потом ждали артподготовки и налета вертушек, прочесывали и убегали. В бой ходили по два-три раза в неделю. У меня за тринадцать месяцев службы было 42 войны. Самые страшные первые и последние. Помню, как шесть человек погибли, не дожив месяца до дембеля.

СМЕРТЬ ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ

– Что вы чувствовали, лишив жизни первого врага?

– Было не по себе, трясло. Никому не поверю, кто скажет, что это не страшно. Человек ведь. Но после того как мы увидели парней, убитых в Мараварах, наступило отвращение. К войне привыкаешь. Идешь как на работу, спать научились на ходу.

– В воспоминаниях ваших сослуживцев читала, что, когда они смотрели на погибших, видели в них даже какое-то спокойствие...

– Так казалось. Вот приносят ребят и укладывают в ряд, и ты думаешь, будто так и надо. А ведь пацанам по 20 лет. Видимо, это была защитная реакция. Горе отдалялось, и если смерть настигала кого-то из соседней роты, казалось, это далеко, это не здесь. Но когда погиб мой товарищ Андрей Селезнев, долго не мог прийти в себя. Это как у Высоцкого: “Друг, оставь покурить, а в ответ тишина, он вчера не вернулся из боя”. И хотя мы с ним часто спорили, он был ближе всех. В тот роковой день Андрей должен был идти впереди, но встал за мной. Я только сказал “Погоди!”, как снайпер попал ему в голову. В честь друга я назвал сына.

– Возвращаясь из боев, где в лучшем случае ранило несколько сослуживцев, задумывались, почему вам удавалось выжить?

– Иногда казалось, что мать с того света помогала. Когда наши ребята подорвались на mine, я шел первый. Слышу, взводный кричит: “Федорцов, ты не знаешь, куда идти, стань в конец!” И буквально через пять минут они подорвались. В день рождения брата две пули пролетели от меня в нескольких миллиметрах. Много раз должен был погибнуть, но миновало. Хотя ранения не удалось избежать: в руку попал осколок от мины. В госпитале укол сделали, ковырялись, восстанавливая нерв.

Через пятьдесят дней она начала работать. Меня уговаривали остаться старостой палаты, но я же разведчик! Как потом буду пацанам в глаза смотреть?

Я только сказал “Погоди!”, как снайпер попал Андрею в голову

ЧЕРНОТА ОТХОДИЛА В СТОРОНУ

– В мирной жизни, когда нет экстремальных ситуаций, часто

не знаешь, где свои, а где чужие. А на войне, когда включаются инстинкты самосохранения и надо выжить любой ценой, кто-то кому-то помогал, поддерживал?

– Как ни странно, но добро царило везде, не было подлости, ведь сразу видно, кто какой. Кто-то два выхода сделает и отлынивает, а кто-то за товарища готов жизнь отдать. Может, из-за трудностей вся шелуха с человека отпадала, вся чернота в сторону отходила. Война научила ценить друзей. Мы до сих пор собираемся в Марьиной Горке. Сослуживцы прилетают из Забайкалья, Бурятии. Отовсюду.

– Когда мы неопытные, очень важно видеть рядом человека, на которого хотелось бы равняться, у кого хотелось бы учиться в профессиональном и личностном плане. У вас был такой пример?

– Авторитетом для нас всех стал командир отряда Гриша Быков. Он всему нас учил. Духи за него два миллиона местными деньгами давали. Прошел Афган и потом без войны уже не мог, успел побывать во многих горячих точках. Никого не боялся, даже генералов, приезжавших командовать. Но если ты не воевал, то людьми, которые видели смерть, особо не покомандуешь. Как-то к нам прибыл один то ли майор, то ли подполковник и спросил: почему у батальона плохие результаты? А засчитывалось не количество уничтоженных духов, а то, сколько ты принес трофеев, то есть оружия. И вот он пошел с нами на войну, а через два километра мы его с собой как ребенка таскали. Видимо, тогда он понял, что без хорошей физподготовки по горам не полазишь. Мы же только на зарядке летом по шесть километров пробегали.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

– Каждый день вы жили в ощущении того, что завтра может не наступить. Что в таком мраке придавало сил?

– Думалось, если эту войну переживешь, то сто лет проживешь. Ну а помимо горя там столько смеха было, всяких приколов. Вспоминаю эти годы как самые лучшие в своей жизни.

– Чем страшнее ситуация, в которой находишься, тем больше ценишь самые простые, обыденные вещи, которые начинают видаться по-другому. В ваших буднях находилось место для радости?

– Конечно, мы даже праздники отмечали. Если у кого день рождения приближался, в бэтээре делали бражку. В канистру заливали воду, добавляли дрожжи сахар. В жару через пару дней. она была готова. Плов варили. Если повезет, то с бараниной.

– А из экзотических, скажем так, блюд что вспомните?

– Хлеб с жуками. Правда, когда испекутся, разламываешь, а они, как изюм, вкусные. Тушенка так надоела, что пять лет запаха не переносил, сгущенку — пятнадцать. Как-то по столовой дежурил и ел ее банками. Там же понял, что такое глоток воды. На улице 70 градусов жары. В тени обычный термометр взрывался. А сколько было мух, заедали бельевые вши, мы их бэтээрами называли. В бензине мыли и пропаривали, но бесполезно.

– Знаю, что со временем у вас даже питомец в виде обезьяны появился.

– Выменяли ее на сухой паек и в шутку называли именем нашего командира. “Значит, тезка,

– узнав об этом, сказал Гриша.

– Поставить на довольствие!”

Кстати, наш подопечный обычно за столом ел руками, а когда командир заходил, брал ложку.

– Чем занимались в свободное от боевых выходов время?

– Купались. Спасало то, что мы жили на острове, окруженном двумя речками. Одна была холодная, из таявших ледников, вторая теплая, там мы и пропадали. Как-то решили письмо девчатам в Бобруйское медучилище написать. Адресовали опус лучшей учащейся. Через месяц пришел ответ. В нем было сказано, что директор прочитал письмо на линейке. А еще что лучшей учащейся нет, зато группа есть, и указали адреса.

– Вы говорили, что росли практически один, а было кому письма писать?

– Двум двоюродным сестрам, родному брату, бабушке с дедушкой и тетке. Она страдала астмой, поэтому просил не говорить ей, что в Афганистане служу. Но правда вскоре всплыла.

– Чем с ними хотелось поделиться? Вы рассказывали, как вам трудно?

– Нет, я писал, что все чудно, никаких проблем, постреливают иногда, далеко где-то там. Посылал фотографии, где мы под солнцем лежим, расслабляемся.

– Один солдат написал матери, что, увидев воробья, подумал: он мог прилететь с Родины. А вам о ней что-то напоминало?

– Однажды увидели по телевизору, как Горбачев говорил про сухой закон и в качестве заставки наш город показывали: молочный бар возле старого универмага. Бармен утверждал, что ситуация изменилась: покончили с алкогольной тематикой. А в этот момент мы радостно кричали:

“Гомель, Родина!”

СНИЛСЯ СОН

– В одной книге об Афганистане напечатаны очень трогательные слова вашего сына в ваш адрес. Что это за история?

– В седьмом классе сын писал сочинение на тему: “С кем бы ты пошел в разведку?” Оно до сих пор в рамочке висит, подлинник с ошибками, за который ему девятку поставили. Я тогда спросил: “Андрюха, а кто тебе подсказал?” Он ответил: “Пап, я сам, ты же у меня такой классный”. Я так впечатлился, что перестал выпивать.

– В последнее время стали говорить о таком понятии, как посттравматический синдром у тех, кто побывал в горячих точках. В советские же времена отрицалось наличие состояния, требующего особого подхода в лечении и реабилитации. Как думаете, было бы проще, если бы с людьми как-то работали?

– Да, в санаторий хотя бы отправляли, ведь возвращались ранеными, покалеченными, больными — перенесли гепатит, тиф, малярию, которой сам три раза болел. А сейчас даже многие льготы отменили.

– Когда вернулись домой, как адаптировались к обычной жизни?

Казалось, что прилетел с Марса. Долгое время не мог привыкнуть к тому, что здесь дискотеки, пьянки, а там пацаны гибнут. Злость была, воспоминания не уходили, фильмы без слез смотреть не мог. По ночам кричал и просыпался в холодном поту. Много раз снилось, будто обратно в эшелоне еду в Афган и на этот раз меня убьют. К счастью, уже отпустило.

ИТОГ В Афганистане во время

войны находилось восемь отрядов спецназа ГРУ Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Одним из них был 334-й отдельный отряд специального назначения, сформированный в Беларуси. Он получил название асадабадского — по месту дислокации. С марта 1985-го по май 1988 года его бойцы совершили более 250 выходов, уничтожили почти три тысячи мятежников.

Подводя итоги войны, иностранные эксперты определили советский спецназ как наиболее эффективную силу, которая противостояла моджахедам. И именно эти части выполняли самые сложные задачи.

Сержант Павел Федорцов (в центре) с сослуживцами

Еще во время войны сослуживец Павла Федорцова пошутил: мол, лет через сорок о тебе вспомнят. Так, по сути, и случилось. Только немного раньше.

А началось все четыре года назад, когда Федорцов познакомился с директором Гомельского областного музея военной славы, а ныне депутатом парламента Павлом Ждановичем. С

собой в часть на экскурсию в Марьину Горку он брал школьников. И как-то они спросили у воина-интернационалиста про боевые награды. Удивились, узнав, что прошел такой путь, получил тяжелое ранение, но ничем не отмечен. Павел Жданович решил добиться справедливости, ведь во время службы Федорцова представляли к ордену Красной Звезды и медали “За боевые заслуги”.

Первым делом начали с музея в Марьиной Горке и в вывезенном из Афганистана журнале регистрации наград обнаружили запись об ордене. Собрали документы и при содействии областного военкомата сделали запрос в архив Минобороны России в Подольске. Ответ не обрадовал: подтверждающих сведений не нашлось. Зато отправитель дал подсказку: при выходе из Афганистана батальон не сдал документы в Москву, а вывез в Беларусь. Возможно, они в Минске. И действительно, зацепка помогла: в архиве нашлись некоторые материалы.

— Мы обрадовались, ведь уже были у цели, — вспоминает Павел Жданович. — Однако выяснилось: чтобы получить орден, нужен наградной лист. Поэтому еще раз начали искать сведения. При помощи многих организаций, а также ветеранов из Беларуси и России удалось найти наградные документы. Но уже не на орден, а на медаль “За отвагу”. Ее Павлу Егоровичу в пятницу, 18 ноября, вручат в торжественной обстановке.

Татьяна ГРЕМИШКЕВИЧ
Фото автора и из архивов
Павла ФЕДОРЦОВА и Павла
ЖДАНОВИЧА